

— Правда? — Шэнь Цинжань приподнялся на цыпочках и звонко чмокнул Сюэ Фэйфэна в щеку.
— Ты просто невероятен!

Если бы Сюэ Фэйфэн жил в современном мире, он бы наверняка стал гениальным механиком, а то и ведущим инженером военно-промышленного комплекса.

Отец Шэнь Цинжана точно был бы от него без ума.

Сюэ Фэйфэн подхватил за шкуру младшего брата, который во все глаза, с блестящим от восторга взглядом, таращился на сеялку:

— Нравится? Тогда пойдем, посмотрим вместе.

Затем он повернулся к Шэнь Цинжаню:

— А ты посиди здесь и отдохни немного.

Затащив брата за сеялку, подальше от глаз, Сюэ Фэйфэн при ярком свете фар внимательно изучил инструкцию и сунул ее ему в руки:

— Быстро, ищи причину.

Младший брат уже давно положил глаз на эту чудо-машину и мечтал заполучить такого железного скакуна, но в ремонте он не смыслил ровным счетом ничего.

— Брат, я же не умею...

И зачем только было хорохориться перед невесткой!

— Ты же с детства любил всякие штуковины разбирать, — Сюэ Фэйфэн бросил беглый взгляд на колеса. — Пробепись глазами, скорее всего, сошники ушли слишком глубоко в почву и где-то застряли.

Сюэ Фэйфэн опустил на корточки и увидел, что семяпроводы и сошники плотно забиты землей, а на оси намоталась трава. Внутри было слишком темно, чтобы разглядеть детали.

Шэнь Цинжань действовал слишком резко и порывисто. Он не знал, что чем крупнее и сложнее открытая техника, тем более плавной и выверенной должна быть работа. Излишнее усилие приводило к тому, что в открытые механизмы легко забивалась грязь и мусор — в отличие от его привычных современных автомобилей, где все важные узлы надежно укрыты металлическим корпусом.

Младший брат забрался под машину и спустя долгое время вылез оттуда перемазанный с ног до головы. Раз уж он ничего не понял в инструкции, пришлось действовать интуитивно. Вдвоем с Сюэ Фэйфэном они приподняли увязшее колесо и подложили под него камни.

Сюэ Цзиньфэн тут покрутил, там потрогал, и, видимо, аура главного героя все-таки сработала: когда Шэнь Цинжань снова завел машину, она пошла плавно и легко, словно по маслу.

Стоя за задним стеклом, Сюэ Цзиньфэн восторженно закричал:

— Брат, ты гений! Невестка, прокатишь с ветерком?!

Шэнь Цинжань:

— Ты уверен? Это вообще-то сеялка.

Сюэ Цзиньфэн закивал так, что чуть шею не свернул: сеялка выглядела куда внушительнее и грознее, чем Юйцун — любимый боевой конь его брата!

Когда на рассвете крестьяне, закинув мотыги на плечи, потянулись в поле, они обомлели от изумления. Бескрайние просторы за ночь преобразились до неузнаваемости: сорняки исчезли, а земля стала мягкой и рыхлой. Утренняя роса слегка увлажнила пашню, словно небесное божество одним взмахом широкого рукава даровало миру покой, пробудив всё живое, и разгар лета вдруг обернулся ласковой весной.

Рабочих волов катастрофически не хватало, и многие поля из поколения в поколение возделывались вручную, изнурительным трудом с мотыгой. Люди уже отчаялись, думая, что сроки посева упущены, и зимой их ждет неурожай пшеницы, а в следующем году — голод. Но небеса милостивы, и там, где ступила нога божества, из тупика всегда найдется выход!

Кто-то копнул рыхлую землю и тут же закричал:

— Тут семена пшеницы! Поле уже засеяно!

— И правда, я тоже вижу!

Словно по невидимой команде, все бросили мотыги и упали на колени, вознося благодарственные молитвы небесам.

— Неужели это дело рук госпожи?!

— Точно она! Я сегодня на рассвете видел, как генерал нес ее на спине домой. Проходил мимо нашего двора, а госпожа спала таким крепким сном. Я только хотел на колени упасть, а генерал мне знак делает — мол, не шуми, жену разбудишь!

— Наша госпожа — истинно божество во плоти!

В тот момент слава и всенародное почтение к Шэнь Цинжаню и Сюэ Фэйфэну среди жителей северо-запада достигли невиданных высот.

Поскольку Сюэ Фэйфэну предстояло выступить в поход уже на следующий день, Шэнь Цинжань мог бы со спокойной совестью отсыпаться. Но генерал и понятия не имел, что стоило ему только выйти из шатра, как Шэнь Цинжань, протирая глаза, уже сидел на постели:

— Система, дай мне чертежи водяного колеса и изогнутого плуга. Только самые лучшие, усовершенствованные модели.

Он как-то видел водяные колеса в провинции Фуцзянь, а здесь, на северо-западе, их не было. Без современных инструментов для орошения и глубокой вспашки даже самые элитные и высокоурожайные семена пропадут втуне.

— Двести баллов за один чертеж, — Система выставила вполне гуманную цену за схемы, руководства и инструкции, ведь ей это не стоило никаких усилий: достаточно было просто сгенерировать конструкцию в интерфейсе, чтобы Шэнь Цинжань мог её срисовать.

Заработав за прошлую ночь пятьдесят тысяч баллов, Шэнь Цинжань счел цену в четыреста баллов за два чертежа сущими копейками.

Похоже, я слегка зазвездился, — подумал он, зевая и раскладывая перед собой чистый лист бумаги. Он принялся тщательно зарисовывать каждую деталь водяного колеса и плуга. Как же он ошибался, недооценивая раньше эту функцию Системы! Подумать только, за какие-то двести баллов, на которые даже горстку риса не купишь, можно получить квинтэссенцию мудрости тысячелетий китайского народа!

— Чан Мин, кто сейчас глава области Цанчжоу?

— Ли Чжэнъян.

— Каков он в делах?

— Честный, неподкупный, заботится о народе как о собственных детях.

Шэнь Цинжань ничуть не удивился. Зная Сюэ Фэйфэна, тот бы давно выгнал взашей любого чиновника, не справляющегося со своими обязанностями, тем более в регионе, где расквартирована его армия.

— А как он относится к сельскому хозяйству?

— Господин Ли после нашествия саранчи не раз инкогнито спускался в поля, за что снискал большое уважение в народе, — Чан Мин помедлил, решив умолчать о том, что этот кристально честный чиновник из-за своей принципиальности относился к генералу с изрядной долей настороженности.

Ли Чжэнъян категорически не одобрял методы Сюэ Фэйфэна, который использовал военную мощь для давления на императорский двор. Но, будучи человеком трезвомыслящим, он также осознавал и всю слабость и никчемность центральной власти. Он не пытался выдворить армию Сюэ Фэйфэна, но и не заискивал перед ним. Военные и гражданские власти существовали параллельно, стараясь не пересекаться.

Впрочем, в последнее время лед между ними начал потихоньку таять.

Ли Чжэнъян изначально был убежден, что Сюэ Фэйфэн — типичный вояка, для которого война — лишь способ удовлетворения амбиций, а за его амбиции расплачивается простой народ. И если на трон взойдет правитель-милитарист, это будет ничуть не лучше нынешней слабой власти.

Но когда сегодня он вышел в поля и увидел бескрайние, вспаханные за одну ночь угодья, он был потрясен до глубины души.

Крестьяне, сияя от счастья, рассказывали ему, что генерал с супругой всю ночь трудились не покладая рук, чтобы успеть засеять пятьсот му земли до окончания сроков посева пшеницы.

Ли Чжэнъян вдруг осознал свою ошибку. Человек, рожденный с серебряной ложкой во рту, избранник небес, способный с таким смирением и упорством трудиться на земле, по определению не может быть жестоким и алчным милитаристом.

— Господин, супруга генерала просит вас пожаловать.

— Иду, немедленно, — Ли Чжэнъян был наслышан о великих свершениях Шэнь Цинжаня. Но из-за своей неприязни к Сюэ Фэйфэну он так и не нашел возможности лично обсудить с ним сельскохозяйственные планы.

— Госпожа ожидает вас у реки Лян.

Когда Ли Чжэньян прибыл на место, он увидел, как солдаты роют ямы и засыпают их землей, а Шэнь Цинжань, обняв охапку саженцев, методично высаживает их один за другим.

Да, Сюэ Фэйфэн сегодня был по горло занят военными сборами и не мог уследить за ним. А у Шэнь Цинжаня всегда находился повод ускользнуть. Он заявил, что хочет просто полюбоваться пейзажами, и даже милостиво разрешил целой свите следовать за ним. Ну и кто бы посмел перечить «супруге», пошедшей на такие уступки?

А оказавшись на месте, Шэнь Цинжань тут же сменил пластинку и объявил, что будет сажать деревья. И что оставалось свите, кроме как копать ямы?

Он высаживал те же виды деревьев, что использовались в проекте полезащитных лесополос «Три севера» — для защиты от ветра и закрепления песков. Река Лянхэ извивалась через Цанчжоу: с одной ее стороны простирались плодородные земли, а с другой, куда хватало глаз, почва становилась все более бесплодной, постепенно превращаясь в желтые пески.

Если не уделить этому должного внимания, через несколько сотен лет оба берега окончательно поглотят пески.

Посадив последний саженец, Шэнь Цинжань обратился к Ли Чжэньяну:

— Прошу прощения за беспокойство, господин Ли, подойдите, пожалуйста.

— Что вы, какое беспокойство. Этот скромный чиновник приветствует супругу генерала.

Шэнь Цинжань:

— Господин, не нужно меня так называть, это звучит ужасно неловко. Я позвал вас сегодня, потому что хочу кое-что вам передать.

Он достал из рукава стопку бумаг, разгладил их и протянул Ли Чжэньяну:

— Если мы будем отводить воду из реки Лянхэ на возвышенности для орошения, как считаете, господин Ли, это сработает?

Глаза Ли Чжэньяна распахнулись от удивления. Улучшенная версия водяного колеса с невероятно возросшей эффективностью и высотой подъема воды! Это изобретение, несомненно, принесет благо десяткам тысяч людей.

Понимая, что цель достигнута, Шэнь Цинжань резко сменил тон:

— Но у меня есть одно условие.

Ли Чжэньян постарался немного унять свое волнение. «Как и следовало ожидать, человек, удостоившийся благосклонности генерала, не может быть так прост», — подумал он.

— Говорите, прошу вас.

Шэнь Цинжань заложил руки за спину и устремил взгляд на бурные воды реки Лянхэ:

— Поля хрупки, они не выдержат ни ветров, несущих песок, ни ежегодного размывания берегов рекой. Я требую от вас, господин, чтобы вы возвели дамбы и посадили леса. Защитите

эти тысячи ли плодородных земель, чтобы они кормили людей из поколения в поколение.

— Я... — Сердце Ли Чжэньяна дрогнуло. Он резко поднял голову и, увидев, как Шэнь Цинжань неотрывно смотрит на реку, вдруг осознал, насколько нелепыми были его недавние подозрения.

Море вбирает в себя сотни рек, а дух способен поглотить горы и реки.

Ли Чжэньян, коренной житель Северо-Запада, никогда в жизни не видел моря, но в это мгновение он вдруг разглядел в Шэнь Цинжане необъятную, как океан, широту души.

— Вырубка должна быть умеренной, правила — не слишком мягкими, но и не слишком суровыми. Политику лесоразведения следует проводить неукоснительно. — Шэнь Цинжань поднял с земли оброненный кем-то зеленый саженец вяза. — И не только здесь, но и в великой пустыне. Десятки тысяч воинов отдали свои жизни на полях сражений, и их преданные души заслуживают того, чтобы отдыхать в тени зеленых сосен, а не жариться под палящим солнцем среди ночной пустоши.

Когда Сюэ Фэйфэн узнал, что Шэнь Цинжань снова тайком улизнул, он пришел в ярость. Едва сдерживая гнев, он отправился на поиски и подоспел как раз к этим словам.

Он застыл на месте, не в силах сделать ни шагу.

Шэнь Цинжань не видел Сюэ Фэйфэна, иначе бы его ноги подкосились от страха и он тут же принялся бы просить прощения. Глядя на Ли Чжэньяна, он произнес твердо и звонко:

— Господин Ли, вы сможете это сделать?

Ли Чжэньян приоткрыл рот, но ничего не ответил. Как же он был глуп! Все эти месяцы он совершенно превратно судил о генерале Сюэ. Время не повернуть вспять, и даже если он прозрел сейчас, было уже слишком поздно. Он давно решил для себя, что как только Сюэ Фэйфэн взойдет на престол, он уйдет в отставку и вернется в родную деревню.

— Этот ничтожный чиновник...

— Он спрашивает тебя: сможешь ли ты это сделать?

Внезапно раздался голос Сюэ Фэйфэна — низкий, властный и наполненный силой, не терпящей возражений.

Ли Чжэньян понял, что снова оказался узок в своих суждениях. Он трижды опустил на колени, отбивая поклоны, и с торжественным выражением лица произнес:

— Этот подданный приложит все свои силы, не щадя собственной жизни! (досл. пока печень и мозг не вытекут на землю)

В тот день Сюэ Фэйфэн не стал запрещать Шэнь Цинжаню копать в земле. Вместо этого он присоединился к нему, и вместе они со всей тщательностью высадили на берегу реки Лянхэ пять тысяч зеленых сосен.

Когда ослепительная река звезд отразилась в водах Лянхэ, Сюэ Фэйфэн понес спящего Шэнь Цинжана домой на спине.

На следующий день Сюэ Фэйфэн во главе сорокатысячного войска снялся с лагеря и

отправился в столицу. Они с Шэнь Цинжанем ехали вместе в самом неприметном экипаже из всей вереницы карет, и генерал наконец-то понял, каково было брату и сестре из семьи Чан, когда те волновались за него на пути сюда.

Шэнь Цинжания снова укачало.

Сюэ Фэйфэн переживал, что в пути могут возникнуть разные проблемы. Он всеми силами старался скрыть необычные способности Шэнь Цинжания, но за время поездки на Северо-Запад тот сам умудрился выдать все свои секреты.

С самого утра они получили императорский указ, в котором император велел Сюэ Фэйфэну вместе с супругой прибыть в столицу для получения наград. Особо подчеркивалось, что генерал обязан взять супругу с собой, и как только они прибудут в новую столицу, их немедленно пожалуют титулами наследного принца и наследной принцессы.

Сюэ Фэйфэн лишь презрительно усмехнулся и решительно сжег указ, сделав вид, что ничего не получал. Он не собирался везти Шэнь Цинжания на этот «пир Хунмэнь» (смертельно опасная ловушка под видом застолья).

Самым важным сейчас было сначала добраться до старой столицы, чтобы перехватить инициативу и стать хозяином положения.

Сюэ Фэйфэн не решался позволить Шэнь Цинжаню ехать верхом на виду у всех — это привлекало бы слишком много внимания. Он предпочел ехать с ним в карете, стены которой были несколько раз укреплены так, чтобы ни один меч не смог их пробить.

С болью в сердце он прижал к себе свою женушку, держа в одной руке пиалу с отваром из кислых слив. Зачерпнув ложку, он начал ласково и терпеливо уговаривать:

— Жань-Жань, ну сделай еще хоть один глоток.

Шэнь Цинжань с закрытыми глазами покачал головой:

— Лучше раздобудь мне повозку с осликом.

И желательно с открытым верхом.

Роскошные экипажи и породистые скакуны оказались ему не по нутру — не то здоровье.

Должно быть, прошлая спешная поездка оставила психологическую травму, и организм еще не успел до конца восстановиться. Шэнь Цинжань был уверен, что раньше он никогда не был таким изнеженным.

Сюэ Фэйфэн открыл окно кареты, усадил Шэнь Цинжания к себе на колени и предложил:

— Давай сделаем привал в Шэнчжоу и немного отдохнем.

— Не обращай на меня внимания, сперва нужно добраться до столицы, а там видно будет. Меня сейчас уже не тошнит, — Шэнь Цинжань прислонился к его плечу, проявляя поразительное благоразумие.

— Это потому, что тебе уже нечем тошнить. — Сюэ Фэйфэн был готов хоть на руках нести Шэнь Цинжания всю оставшуюся дорогу от Шэнчжоу до столицы.

Кое-как одолев несколько извилистых горных дорог, они наконец выехали на открытую местность, где убийцам было негде спрятаться. Сюэ Фэйфэн немедленно пересел из кареты на лошадь, взяв Шэнь Цинжаня с собой, чтобы заодно научить его ездить верхом.

Шэнь Цинжань крепко обнял Сюэ Фэйфэна за стройную талию. Сквозь тонкую ткань одежды его ладони отчетливо ощущали твердые, как камень, мышцы пресса. Сглотнув слюну, он тихонько произнес:

— Генерал, я хочу...

Сюэ Фэйфэн, способный одной рукой обхватить обе кисти Шэнь Цинжаня, почувствовал, как его мысли тут же унеслись совершенно не в то русло.

— Чего?

И хотя Шэнь Цинжань не набрал обратно потерянные десять цзиней, а, наоборот, похудел еще на один, Сюэ Фэйфэн подумал, что это вполне выполнимо — как раз будет отличный повод приказать войску остановиться на привал.

— Заняться земледелием.

Шэнь Цинжань смотрел на проплывающие мимо поля, и у него внутри зародилось зудящее чувство, сродни инстинкту вора, который не может уйти без добычи.

— Шэнь Цинжань! — от ярости лицо генерала покраснело, а на шее вздулись вены.

— Ладно-ладно, не буду, — Шэнь Цинжань закрыл уши руками. Мог бы и не кричать так громко.

Сидя верхом на лошади, он еще и смел отпускать руки! Сюэ Фэйфэн от злости даже рассмеялся. Он перехватил Шэнь Цинжаня, усадив его перед собой, крепко обхватил рукой за талию, плотно прижимая к своему животу:

— Еще хоть слово, и не вини меня, если я сначала «вспаху» это твоё поле.

Шэнь Цинжань мгновенно стушевался:

— Не надо... больше ни слова.

Спустя какое-то время он тихо и обиженно пробормотал себе под нос:

— Я такой худой, как можно измерять меня в му (единица площади)?

Сюэ Фэйфэн не расслышал:

— Что ты там бормочешь?

— Ничего.

Про себя же Шэнь Цинжань подумал: «Если вспахивать целое му, то придется "пахать" всю ночь напролет, чтобы закончить».